

Господин Тургенев так и не столкнулся с ними лицом к лицу — к тому моменту, как остальные обернулись, его след уже простыл.

— Что нам теперь делать? — в растерянности спросил Булгаков.

В этом странном, изломанном пространстве они казались единственным чужеродным элементом.

Булгаков пребывал в глубоком замешательстве, совершенно не понимая, за что схватиться. Честно говоря, даже пробудив в себе эсперские способности, он так и не ощутил их реальности. Он просто слепо рвался вперёд, а теперь заворожённо и бестолково созерцал вещи, которым вообще не место в земном мире.

— Найти зачинщика, — отозвался Аль-Хайтам.

Сначала он тщательно поскрёб подошвой о край крыши, и лишь когда убедился, что к обуви больше не липнет та склизкая гадость, удостоил Булгакова ответом.

Фёдор одарил Гоголя двусмысленным, холодным взглядом. Тот лишь шутливо склонил голову набок и показал ему язык.

Оставаться на месте становилось смертельно опасно — скоро даже крыша перестанет быть надёжным убежищем. Буйно разросшиеся плети сорняков уже карабкались по стенам и, точно чернила, расплывающиеся по мокрой бумаге, просачивались сквозь перекрытия, упрямо пробиваясь к самой высокой точке здания. Несущие конструкции скрипели и проседали, угрожая вот-вот рухнуть. И пусть пока они стояли на ровной бетонной площадке, некогда тёплый янтарный свет, заливавший небосвод, давно уступил место зловещему мареву.

Просто переждать бурю в сторонке явно не выйдет.

— Соседняя крыша совсем рядом, переберёмся туда. А потом посмотрим, можно ли спуститься пониже и найти хоть какое-то укрытие, — скомандовал Аль-Хайтам.

Поймав на себе испытующие взгляды спутников, он молча затянул ремешок на перчатке. Мешкать было нельзя. Прежде чем бетонные плиты окончательно ушли из-под ног, он задействовал свой Глаз Бога. Разумеется, он не являлся эспером, и его стихийная Дендро-сила не подчинялась законам здешней реальности. Что же касается его спутников — один обладатель эсперских способностей уже благополучно сбежал, а двое других сидели без капли энергии, — то рассчитывать на них явно не приходилось.

— О-хо-хо! Настоящее приключение! — восторженно завопил Гоголь.

Он снова впал в то причудливое, лихорадочное возбуждение, которое так часто им овладевало: размахивал руками, хватал пролетающий мимо мусор и умудрился даже выдрать пару перьев из крыла всполошённой птицы. Мысль о том, что державший его Аль-Хайтам может просто разжать пальцы и отправить его в свободный полёт до свидания с мостовой, Гоголя, похоже, совершенно не заботила.

«...»

Фёдор, чей изнурённый вид красноречиво подчёркивали глубокие тени под глазами, молча терпел этот оглушительный визг над ухом, лихорадочно выстраивая в голове план спасения. Тот факт, что таинственная сила Аль-Хайтама осталась при нём, безусловно, вызывал немалое любопытство. Однако куда сильнее Фёдора раздражал безвестный эспер, заваривший всю эту кашу.

«А что, если прикончить Булгакова прямо сейчас?..»

Господин В уже прочно обосновался в его списке подозреваемых, а значит, и Булгаков автоматически попадал в очередь на ликвидацию.

С другой стороны, смерть носителя вовсе не гарантировала, что порождённая им аномалия исчезнет. Если эспер погибнет, его эсперская способность вполне может окончательно выйти из-под контроля и погрузить город в пучину бесконечного хаоса, чего Фёдору хотелось меньше всего.

«Какая досада...»

По спине Булгакова вдруг пробежал леденящий сквозняк, но тут же утих. Он испуганно огляделся по сторонам, опасаясь, что их выследила очередная потусторонняя тварь.

— Не дёргайся, — оборвал его Аль-Хайтам.

В одном он был уверен твёрдо: кто-то из их разношёрстной компании стал мишенью для невидимого кукловода.

Скорость, с которой он совершал пространственные рывки, едва позволяла опережать крошащийся под ногами бетон. Стоило хоть на мгновение замедлить темп, как вокруг начинали происходить жуткие, сюрреалистичные вещи: по пятам неумолимо ползли покрытые склизкими глазными яблоками лозы, над головами с погребальным воркованием кружили уродливые мутировавшие голуби, а багровая луна, зависшая в зените, пульсировала зловещими, удушливыми волнами.

Уклонившись от летящего прямо в лицо острого осколка стекла, Аль-Хайтам одним мощным толчком втолкнул спутников в темный проём, а затем, используя инерцию бега, пригнулся и

рыбкой скользнул внутрь за секунду до того, как тяжёлая дверь захлопнулась.

Из глубины помещения донеслось испуганное шиканье.

Во тьме затаились люди, чьи полные ужаса взгляды были устремлены на незваных гостей.

Внутри царил полумрак. Окна и двери были наглухо заперты, а единственным источником света служила одинокая тусклая свеча. Обыкновенный подъезд жилого дома, но по какой-то загадочной причине скверна обошла его стороной.

— Кто вы?.. — прошептал кто-то.

С той стороны, куда не дотягивался слабый ореол свечи, донёсся сухой металлический лязг.

— Назад, — приказал тот же голос.

Не дождавшись ответа, из тени медленно выступила фигура. Это была хрупкая, изнурённая девушка в ярком, кричащем платье, которое нелепо смотрелось в этой убогой обстановке. В руке она сжимала старый, изрядно затупившийся кухонный нож. Она упрямо загрозила собой остальных выживших, среди которых, к слову, прятался и рослый взрослый мужчина.

— Простите... мы не причиним вам вреда.

Спутники Булгакова хранили угрюмое молчание, поэтому отдуваться пришлось ему одному. Впрочем, его оправдания звучали крайне неубедительно, особенно после того бесцеремонного вторжения, которое они только что совершили.

— Мы побудем здесь какое-то время, — прямо заявил Аль-Хайтам.

— Хорошо... — после недолгой паузы согласилась девушка. — Зовите меня Сонечка.

Сонечка слегка наклонилась к сидевшей рядом пожилой женщине, тихо шепнула ей несколько успокаивающих слов и помогла устроиться на стареньком диване — единственном месте, где было постелено одеяло. Положение её спутников казалось плачевным: позади, обдавая всё вокруг стойким перегаром, бессвязно бормотал пьяный мужчина; на диване, заходясь в хриплом кашле, содрогался больной; а в углу, тесно прижавшись друг к другу, дрожали от страха двое маленьких детей.

Сонечка была единственной в этой комнате, кто не потерял остатки самообладания и мог связно изъясняться. Поэтому, когда она дала добро, никто из её измученных домочадцев не стал возражать.

Свеча медленно оплывала. Наплывы горячего воска слой за слоем покрывали тонкий фитиль, превращая его в уродливый застывший нарост. И вдруг пламя едва заметно колыхнулось — в это неуловимое мгновение двое их спутников бесследно растаяли в полумраке.

Видимо, невидимый хозяин этого места решил проявить милосердие к Фёдору, позволив ему остаться в этом импровизированном убежище.

Сдавленный кашель, приглушённый шёпот и пьяный бред смешались в единый монотонный гул. Фёдор поморщился от глухого раздражения. Эти звуки до боли живо напоминали ему о кошмарных днях, которые, казалось, остались в прошлом.

— Убить их, Федя? — раздался тихий, вкрадчивый шёпот над самым ухом.

Гоголь возник из темноты совершенно бесшумно. Даже в этом удушливом сумраке его серебристые волосы улавливали крошечные отблески пламени, слабо мерцая.

«...»

Фёдор лениво скользнул по нему взглядом и вновь уставился на тающий фитиль. Мрак всегда был его верным союзником — под его покровом куда сподручнее вершить дела, которые при свете дня неизбежно привлекли бы лишнее внимание.

— А почему ты сам этого не сделаешь, Гоголь?

— Ну-у, просто не хочется.

— Вот как?

— А ты что думаешь, Федя?

— В запертом помещении запах гниения слишком быстро становится невыносимым.

— И то верно.

Этот аргумент показался Гоголю вполне убедительным. Удовлетворив любопытство, он замолчал и принялся увлечённо крутить в пальцах какую-то безделушку.

Сцепив пальцы в замке, Фёдор положил руки на колени. Сквозь зыбкую пелену полумрака его тусклые фиолетовые глаза внимательно следили за суетящейся Сонечкой и её злосчастным семейством.

«Пять человек... Если пустить их под нож в этой тесной каморке, запах будет точь-в-точь как на бойне».

Тем временем Булгаков снова бежал по разрушенным улицам, стараясь не отставать от широкой спины Аль-Хайтама.

— Неужели мы... просто так... бросим их? — тяжело дыша, выдавил Булгаков, когда в лёгкие хлынул очередной порыв ледяного, пахнущего гнилью ветра.

Совесть мучила его: оставить беззащитных детей в таком кошмаре казалось верхом малодушия.

Аль-Хайтам прекрасно понимал, какие терзания обуревают его спутника. Однако раскрывать истинную суть Фёдора наивному Булгакову он не собирался.

— Хочешь — возвращайся и сиди с ними, — ровным тоном отрезал Аль-Хайтам, мгновенно пресекая любые возражения.

— Ладно, забудь...

Больше всего на свете Булгакову хотелось укрыться в тихом уголке и дожждаться, пока этот безумный морок рассеется. Но какое-то седьмое чувство упорно подсказывало ему: за всем происходящим маячит тень господина В. А потому, преодолевая страх и усталость, он заставлял свои ноги двигаться вслед за проводником.

Они лавировали в толпе обезумевших горожан. Отовсюду доносились дикие вопли и непрекращающийся, сухой треск рвущихся силовых полей. Лоб Булгакова покрылся холодной испариной, но это был не столько страх, сколько странное оцепенение, похожее на затяжной кошмар. Земля уходила из-под ног, словно он ступал по зыбким облакам, а очертания домов вокруг плыли и двоились.

Бабах!

Это было уже двадцать третье препятствие на их пути, возникшее буквально из ниоткуда.

Не успев затормозить, Булгаков со всего маху врезался в какого-то безумца, упоённо палившего во все стороны новообретённой эсперской способностью. На него ещё никогда не изливали столь чистую, незамутнённую злобу — злобу человека, упивающегося собственной безнаказанностью. Булгакова грубо вздернули за шиворот. Он застыл, не в силах пошевелиться под диким, безумным взглядом садиста.

«Неужели каждый, кто получает эсперские способности, неизбежно превращается в чудовище?..»

Эта нелепая мысль так глубоко завладела его сознанием, что он даже не почувствовал, как тяжёлый кулак врезался ему в челюсть, а обмякшее тело полетело на грязную мостовую.

Должно быть, он и сам был из породы ненормальных. Или просто успел сойти с ума за последние несколько часов.

— А?.. Ключ?

Ладонь внезапно обожгло холодом. Булгаков опустил взгляд и удивлённо уставился на зажатый в пальцах новенький латунный ключ. Когда же он поднял голову, Аль-Хайтама рядом уже не было. Перед ним возвышались лишь массивные, изъеденные ржавчиной железные ворота.

— Ну что ж, ключ так ключ, — пробормотал он под нос.

Латунная бородка идеально вошла в замочную скважину. Раздался негромкий щелчок, и тяжёлые створки, жалобно скрипнув, медленно разошлись в стороны, хотя к ним никто не прикасался.

— Милости прошу, барин.

Булгаков вздрогнул от неожиданности, но, присмотревшись, разглядел фигуру, терпеливо ожидавшую его в проёме.

Незнакомец держал в руках старый глиняный кувшин, покрытый толстым слоем вековой пыли. Ткань, наброшенная на горлышко, подёрнулась плесенью — казалось, сосуд только что извлекли из заброшенного винного погреба. До Булгакова донёсся густой, дразнящий аромат дорогого выдержанного вина, мгновенно пробудивший непреодолимое желание сделать глоток.

Горло мгновенно пересохло. Дикая жажда сковала рот, и даже подступивший к горлу ком волнения не мог заглушить это внезапное, сводящее с ума искушение. Ему пришлось приложить недюжинное усилие воли, чтобы заставить разум переключиться на что-то другое и удержать остатки самообладания.

— Проходите же, барин.

Слуга вежливо повторил приглашение.

— Что ж... ве-ди, Аза-зелло, — слетело с губ Булгакова прежде, чем он успел осознать свои слова. Это имя показалось ему странно знакомым и естественным.

Сжав кулаки, он переступил порог и твёрдым шагом двинулся вглубь неизвестности, словно обречённый рыцарь, ступающий в логово дракона. Спустя мгновение его фигура полностью растворилась во тьме — прямо под присмотром Аль-Хайтама, который так и не успел среагировать на исчезновение подопечного.

— Одним меньше, — негромко констатировал Аль-Хайтам.

Впрочем, внезапная пропажа Булгакова не вызвала у него особой тревоги. Он прекрасно понимал: этот человек хранит тайны, в которые посторонним лучше не соваться. Например, секрет его собственного эсперского демона, которого тот ещё ни разу не призывал на помощь.

Оставшись в одиночестве и избавившись от балласта, Аль-Хайтам перешёл на быстрый бег. Без необходимости подстраиваться под чужой темп он проносился сквозь городские кварталы с поразительной скоростью.

Общая картина происходящего уже успела сложиться в его голове.

— Значит, не здесь...

Он поднял ладонь перед собой, сжал пальцы в кулак и снова расправил их. Убедившись, что его собственное тело не подверглось пагубному влиянию здешней скверны, он устремил взор сквозь рваные полосы чёрного тумана к кровавому диску луны. В какой-то миг ему показалось, будто в багровом изгибе ночного светила приоткрылся гигантский, наблюдающий за миром глаз.

Похоже, разгадка скрывалась на небесах.

— Ой-ой-ой, неужели нас засекли?

Господин В опустил изящный латунный бинокль и тихо, утробно рассмеялся.

Высота, на которой они находились, постепенно увеличивалась, пока их импровизированный наблюдательный пункт полностью не скрылся в густых грозовых тучах. Наблюдательность Аль-Хайтама заставила господина В слегка удивиться, но радоваться тому было рано — это не компьютерная игра, и за нахождение скрытых локаций здесь наград не выдавали.

— Так это на него ты сделал ставку? Но согласи-сь, действовать строго в рамках своих возможностей — это вовсе не то, что можно назвать истинной храбростью.

Толстой сидел за круглым чайным столиком, гостеприимно предоставленным господином В. Он неторопливо попивал горячую воду с таким безмятежным видом, словно находился на загородной вилле, а не посреди гибнущего мира. На реплику собеседника он ответил лишь мимолётным взглядом, после чего вновь углубился в чтение свежей прессы.

На пожелтевших страницах были напечатаны вовсе не светские сплетни, а подробные отчёты о действиях людей, за которыми Толстой пристально наблюдал. Эту сводку господин В подготовил исключительно из дружеских побуждений — ну или просто потому, что раскрытая газета в руках классика казалась ему весьма эстетичной деталью интерьера.

— Моих ставок здесь куда больше, чем тебе кажется. В конце концов, в моём распоряжении целый город эсперов, не так ли?

Голос писателя звучал глухо и безучастно, но доля истины в его словах определённо присутствовала.

— Но люди — существа стадные, особенно в моменты кризиса, — раздражённо возразил господин В. — Одни забиваются по щелям, точно испуганные мыши, другие — слетают с катушек и крушат всё подряд. Повторюсь: мои критерии «мужества» чрезвычайно строги. И подобные банальные эскапады меня совершенно не впечатляют!

Высказав своё недовольство, господин В с досадой опустил на стул напротив Толстого.

— Да, разумеется. Чрезвычайно строги, — сухо и безучастно подтвердил господин Толстой.

Впрочем, эти субъективные суждения целиком и полностью зависели от прихоти самого господина В. Попробуй он нарушить правила игры, переиграть всё на ходу или банально отказаться от своих слов — ничего бы не вышло. К его несчастью, визави за столом был сам Толстой. Любая попытка нарушить соглашение немедленно повлекла бы за собой сокрушительное возмездие со стороны его эсперской способности «Война и мир».

«И всё же, судя по его тону, он настроен вполне серьёзно».

Возможно, получив долгожданную свободу действий, господин В просто пребывал в исключительно благодушном расположении духа.

Толстой неторопливо перелистнул страницу газеты, и вдруг его взгляд замер на одной из колонок. Среди ровных строчек печатного текста отчётливо выделялось имя его старого знакомого.